В116 729

А

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. ТАТАРОВА

ФИЛИПП СТРЕЛЕЦ

1944

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ОНК

Фрош. б-ка

В116 729

А. ТАТАРОВА

ФИЛИПП СТРЕЛЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
796317

К шести отряд собирался у радиоприемника. Дверь, чтобы ею не хлопали опоздавшие, стояла нараспашку, и седой морозный пар клубами вкатывался в командирскую землянку. Изредка сквозь него пробивался клок неба в холодных звездах, — до рассвета было еще далеко. Пряча зевоту, поеживаясь, партизаны поглядывали на командира.

Филипп Стрелец стоял у огромной, на полстены, карты. С обеих сторон ее освещали аккумуляторные лампы — трофейные, с немецкого мототранспорта. Горели они так ярко, что командир прикрывал глаза, а на курчавых, до синевы черных волосах его играли яркие как седина, блики. На нем была простая гимнастерка, испытавшая и летний зной и осенние дожди. Но она так ловко облегала небольшое тело Стрельца, что казалось — он в парадном мундире.

Он ждал сводку, как ждут приказа высшего командования: взволнованный, подтянутый, с собранным вниманием. Его состояние передавалось отряду: в землянке стояла тишина, слышно было, как сипят и всхлипывают в железной печке дрова.

Наконец заговорила Москва. «От Советского информбюро...» Сорок человек глотнули воздух и затаили дыхание. Рука командира взметнулась над картой, красный карандаш замер у слова «Moskau». Эту карту партизаны отбили у немцев в одном из первых боев. На ней с дотошной тщательностью были помечены русские села, деревеньки, шоссейные дороги и мосты.

От Москвы на запад, на северо-запад и юг расходились красные кружки. Это лейтенант Стрелец обводил карандашом отбитые у немцев города и села. Зима 1941/42 года уже вошла в историю: Москва устояла, русские теснили фашистов. Красных кружков становилось на карте, что ни день — больше.

— ...преодолевая жестокое сопротивление врага, овладели городом Нарофоминск, — прозвучал голос диктора.

— Нарофоминск! — выкрикнул Стрелец.

Он повернулся лицом к отряду, оглядел его из-под черных, похожих на ласточку в полете бровей.

— Слухайте сюда, хлопцы!

Партизаны насторожились: было что-то необычное в голосе и в лице командира. Ему шел двадцать второй год, но, сосредоточенный и замкнутый, скупой и четкий в словах, он выглядел человеком, прожившим большую жизнь. Не по-юношески суровы и печальны были его глаза.

Но сегодня глаза Стрельца были ясны. Партизаны обступили его. Кто-то выключил радио. Прикрыли дверь; сразу стало тепло, и казалось, тепло это идет не от печки, а от командира.

— Смотрите сюда, — он постучал карандашом по карте: — это Москва. Чулы, какой приказ передала она нам по радио?

Хлопцы, — были меж ними и дядьки в седой бороде, — переглянулись: командир говорил непонятно.

— Москва сказала, что мы с вами правильно действуем в тылу врага. Москва приказала и впредь действовать так же. Верно я говорю, комиссар?

— Верно говоришь, Филипп, — ответил Григорий Бойко.

Карандаш Стрельца побежал по карте.

— Вот железная дорога. По ней немцы подтягивают к Москве резервы и боеприпасы. Дорога эта три дня не работала на прошлой неделе и два дня — на этой. А почему?

Партизаны ответили смехом. В памяти их встали ночи, когда они со Стрельцом взрывали вражеские эшелоны.

— Произошло это здесь, — показал по карте Стрелец. — Вот Брянск, леса, город Навля. От него километрах в тридцати на восток, в этой примерно точке, находимся сейчас мы с вами, дружочки. Чорт их батька знает, немцев, почему не нарисовали они на карте нашего лагеря!

И снова смех покатился по землянке: все знали, какие милости обещал комендант Навли, капитан Гейнрот, тому, кто укажет местонахождение партизанского отряда. А за голову Стрельца тот же Гейнрот сулил тысячи. Мало тысяч, немец! И миллионов мало! Голова красивая, как на картине, и отчаянная такая, что сама смерть обходит отряд сторонкой. Кто из хлопцев не поляжет костьми раньше, чем доберешься ты, Гейнрот, до Стрельца?..

Гомон и смех оборвались вдруг: в землянку вошли Петраков и Лишак, оба в обледенелых маскхалатах, у обоих вспухли от ветра глаза. Стрелец подался навстречу разведчикам:

— Докладывайте.

Петраков, усадистый, с мясистыми щеками, заговорил обиженно:

— В такую разведку нужно тех посылать, которые проштрафились, что ли... Все подступы к мосту охраняют полицаи...

— Как часто сменяются полицаи?

Петраков молчал. Стрелец перевел взгляд на Лишака. Краска залила лицо разведчика; казалось, слезы вот-вот брызнут из по-девичьи простодушных глаз его.

— Разрешите повторить разведку, — пробормотал он.

Стрелец молчал. Молчали и партизаны. Праздник кончился. Жестче и старше стало лицо командира. Слышно было, как нудно сипят дрова в печке, как ходит наверху по лесу ветер. Комиссар Бойко, шумно вздыхая, прошел по землянке и стал бок о бок со Стрельцом. Командир молчал.

— Можете итти, — сказал наконец он, откашливая хрипоту. Голос его, когда он сердился или плохо бывало у него на душе, садился и терял звучность. — В разведку пойду я сам. Со мною — начальник штаба лейтенант Чапов.

Весь отряд рванулся к командиру.

— Раз-раз-раз-шите... — дробью рассыпалось слово.

— Нет. Взорвать мост — значит помочь Москве. Большая честь!

Он рывком снял со стены полушубок и набросил его на плечи. Шапка упала с гвоздя, но он не нагнулся за нею и вышел из землянки с непокрытой головой.

— Пошел коня проведать, — кивнул вслед командиру Петраков.

Он обвел товарищей заискивающим взглядом, но

партизаны отворачивались от него. Только лейтенант Чапов посмотрел пристально в его припухшие, словно пьяные глаза и сказал, нажимая на каждое слово:

— Конь — скотина верная: не изменит, не подведет, как иной негодный человек.

Петраков приложил к груди ладони, силясь выложить перед лейтенантом и перед отрядом все, что было у него на душе: умирать, мол, всегда страшно. Но одно дело — смерть в бою, когда товарищи вокруг и кровь бежит по жилам зло и весело; другое дело — загинуть ночью, в лесу, в одиночку, когда мозг к костям примерзает, а ветер выводит над головой панихиду. Все это говорил Петраков Лишаку, когда тянул его с разведки в лагерь. Но сейчас такие слова комом застревали в горле; произнести их перед отрядом было Петракову не под силу. Он махнул рукой и сказал Лишаку:

— Ты хоть не молчи, признайся, что я тебя погубил.

Поняв его горе, заговорил комиссар Бойко, человек большой ровной души:

— Дюже ты смерти боишься, Петраков...

— Боюсь, — сознался Петраков и вдруг, обессилев, сел на лавку.

— Тьфу! — сплюнул всердцах кто-то из партизан. Другие засмеялись.

Тогда артиллерист Трошин вышел на середину и сказал сердито:

— Смешного мало, когда командир сам в такую разведку идет. Гнать их обоих из отряда к чортовой жинке!

Лишак стоял без движения, — он стыдился, казалось, дышать. Петраков натужно тер свои шершавые ладони.

Выждав, пока шум немного стих, снова заговорил комиссар:

— И я признаюсь, Петраков, тоже смерти боюсь. Охота, брат ты мой, дожить до того часа, когда народы всего мира будут вешать Гитлера на самой плешивой осине.

— Кто другой полюбуется, — сказал Петраков, — а мы навряд ли доживем.

Вконец обозлясь, партизаны стали выходить из землянки.

— Уходи и ты, — приказал Петракову комиссар. — Скажи повару, чтобы дал тебе сто граммов водки согреться. В бою, в операциях будешь отныне находиться при мне — никакая пуля тебя не возьмет.

Еще не осознав до конца, что он прощен и оставлен в отряде, Петраков стащил с головы шапку, поклонился комиссару в пояс и пошел из землянки.

Теперь пришла очередь второго незадачливого разведчика. С этим у Бойко был иной разговор. Комиссар сдвинул брови, выпятил грудь и пошел на Лишака. Лейтенант Чапов отвернулся, пряча улыбку.

— А тебе, голубчик сизый, прощенья нет и не будет, — начал Бойко, взмахивая невпопад словам кулаком. — Если даже командир захочет простить тебя, я буду настаивать, брат ты мой, на самом суровом наказании.

Лишак молчал: о чем говорить — он заслужил наказание.

— Я буду настаивать, чтобы ты сегодня же, без всяких ста граммов и отдыхов, шел с командиром в разведку.

— Ой, мамо, ой, спасибочко! — весь засветился радостью Лишак.

— И уходи, пожалуйста! Это же неприлично: вер-

нется командир, а ты глазами, как фарами, сверкаешь. И пол весь затоптали...

Бойко взял в углу веничек и принялся наводить в землянке чистоту: ни он, ни Стрелец не переносили беспорядка.

— А с этой немощью, с Петраковым, зачем понадобилось тебе цацкаться? — спросил Чапов.

Бойко смел веничком мусор на клочок бумаги, бросил в печку. На минуту в ней вспыхнул огонек, и отсветы его заиграли в добрых, прищуренных слегка глазах комиссара.

— Петракова, — сказал он задумчиво, — я встретил осенью в чащобе. Иду. Слышу крик: «Стой, человек!» Вижу — навел на меня, как на белку, охотничье ружьишко. «Кто ты, — спрашиваю, — и чего тебе от меня надо?» Отвечает: «Я колхозник, горем недобитый. А от тебя требую — поговори со мною, человек, по-русски, душа тоскует по родному слову». Ну, поговорили мы... Оказалось, Петраков на свою беду — лучший в округе охотник. Потому немцы и вынуждали его, как снайпера, итти к ним в полицаи. Жену с ребятишками он отвел к теще, хату подпалил, сам ушел блукать в лесу.

В землянку вошел Стрелец. Волосы взъерошены, глаза злые, смотрят мимо людей. И комиссар и Чапов знали своего командира: все его существо, все мысли были уже не здесь, а у моста, который сегодня надлежало взорвать.

Он надел чистое белье, как делал всегда перед боем, и только после того, как натянул поверх полушубка маскхалат, заговорил с товарищами:

— Готов, Николай? Ты, Бойко, выйдешь с десятью автоматами и пятью пулеметами ровно в семь по нашему следу — пороша кончилась.

— Есть выйти ровно в семь с пятнадцатью бойцами, — ответил комиссар.

Он подумал, что Стрелец еще ничего не ел сегодня, но знал, что напоминать об этом было бесполезно.

* * *

Шли на лыжах гуськом: Стрелец впереди, за ним лейтенант Чапов. Лес стоял тихий, лишь мороз трещал в сучьях, будто баловал кто винтовкой, да раза два проверещала сверху белка: убирайтесь, мол, отсюда, здесь чащоба, людям ход заказан!

До войны Стрелец жил в Белой Церкви. Вокруг его города лежали пшеничные поля, просторная украинская земля. Леса он не знал и оценил его только прошлой осенью, когда дважды лесные тропы выводили его из вражеского окружения. Немцы — стало ясно ему — не любят лесов. Могучая стихия русского бора пугает выпотрошенную фашистскую душу. Стрельцу не удалось выйти из окружения. Он остался в лесу. И как было послушно в его руках всякое оружие, трофейный ли пулемет последнего образца, или немецкая мина нового типа, так открыли ему свои тайны Брянские леса...

Стрелец шел на северо-запад, сверяясь лишь изредка с компасом.

Зимний день занимался медленно. Внизу еще стояли сумерки, но кроны деревьев уже резко вырисовывались на бледном небе. У поляны, обросшей молодыми сосенками, остановились. Стрелец поглядел на часы, определяя по времени, сколько километров пройдено. До полотна дороги оставалось, повидимому, не больше получаса ходьбы. Где-то здесь лежала скованная льдом лесная речка, через которую и был перекинут железнодорожный мост. Ее нужно было разыскать, угадать под снеж-

ным покровом. Стрелец вглядывался в лесную чащу — вправо, влево. Прошла минута, вторая... Мороз начал пробирать Чапова. «Зря не взяли с собой Лишака, — досадовал он: — парень привел бы нас прямо к мосту».

— Есть речка! — сказал Стрелец. — Лыжи оставим здесь.

Он зачерпнул пригоршню снега — его томила жажда. Снег от жгучего мороза был сух и рассыпался, как песок.

— Пошли. Тол несу я, шнур — ты.

Проваливаясь по пояс в сугробы, они обогнули поляну, и только здесь Чапов заметил, что по ту сторону ее стоит, метет голыми ветвями землю старая ракита. А дальше деревья чуть пониже, там, следовательно, и был левый берег реки. Стрелец держался ее течения, но шел не по самому берегу, а слегка поодаль, прячась меж деревьев. Чапов едва поспевал за ним, — то спотыкался о пни и корневища, то погружался в сугробы. Стрелец оглянулся на него.

— Трудно?

— Ничего.

Лес вдруг поредел; впереди, как на ладони, открылся мост. Не мост — мосток через узкую речонку, но висел он над нею высоко.

— Хорош?

— Хорош, — кивнул Чапов.

Солнце встало позади них и тусклой медяшкой повисло в морозном небе. Теперь маскхалат уже не мог скрыть их. Они легли в снега и продолжали путь ползком.

По мосту ходил взад-вперед полицай. То похлопает ладонью о ладонь, то трет неистово нос и уши. «Дюже смерз, давно не сменялся», подумал Стрелец. Но не могли же немцы доверить охрану моста одному поли-

цаю: где-нибудь поблизости должны быть еще часовые...

Вдруг потянуло дымом.

— Чуешь? — глянул на Чапова Стрелец.

— Влево от нас, — мигнул тот.

Они поползли влево.

Под насыпью грелся у костра второй полицай. Стрелец вынул часы: «За десять минут, — показал по циферблату, потом приложил палец к своей груди, — я доползу до моста. А этого обезоружишь ты».

— Есть обезоружить, — кивнул Чапов.

Стрелец коснулся его кобуры: стрелять ни-ни! Чапов усмехнулся: сам понимаю, не маленький. Командир посмотрел ему в глаза, — взгляд был горячий, как рукопожатие, — и пополз назад, в лес.

Мороз забирал все крепче, коченели руки, перехватывало дыхание. Но Стрелец приказал себе не замечать ни холода, ни голода, — приказал давно, в те дни, когда немцы захватили Украину. В Белой Церкви осталась мать — лучше не думать о ней. Не в тепле, не в сытости живет она при немцах. Не такую старость готовила себе, когда вскармливала своего Филиппа, — лучше не думать. Неверно! О матери родной и о родине-матери нужно думать, когда идешь на смертное дело.

Он подполз к дамбе и замер. Немец был рослый, — придется, пожалуй, подпрыгнуть, чтобы вцепиться ему в горло. Но Стрелец родился задачливым: в двух шагах от него полицай перегнулся через перила моста и заорал:

— Эй, Игнат, погрелся — будя!

«Русский, гадюка!» зашелся Стрелец обидой.

Он вскочил на спину полицая. У того подкосились ноги, и оба они покатились по мосту. Еще в Киеве, в школе лейтенантов, Стрелец был непобедимым в рукопашном бою и держал первенство в боксе. В несколько

секунд руки предателя были скручены. К его груди Стрелец приставил его же автомат.

— Когда должен пройти поезд? Коротко. Без брехни.

— Ох, не знаю, товарищ милый, давно не было.

«Товарищ» Стрелец глянул на предателя, и тот понял, что пришла его смерть.

— Когда смена караула?

— Минут через двадцать, пан партизан...

В глазах полицая метнулась какая-то блудливая мысль. «Врет!» решил Стрелец. Но полицай не врал, другое было у него на уме: изо всех сил он взмахнул ногой, норовя ударить партизана в низ живота. Стрелец отскочил, усмехнулся: каждая тварь обороняется, как умеет: гадюка жалит, осел брыкается. Полицай упал на колени и пополз к ногам партизана, чтобы поцеловать их. Стрелец попятился.

— Не сметь! Раздавлю!

Тогда полицай заплакал, без стыда, навзрыд, колотясь головой о мерзлую землю. Появился Чапов: в одной руке автомат, в другой — топор, которым рубили предатели дрова для костра. Он привел второго полицая, маленького круглолицего крепыша.

— Филипп, — сказал Чапов, — смена караула придет через пятнадцать-двадцать минут.

— Знаю.

Чапов понизил голос:

— Расстреливать этих поганцев — набегут полицаи с соседних участков...

Они отвели полицаев под мост, сняли с них тулупы и шапки, рты им заткнули рукавицами.

Обрядившись в форму полицаев, партизаны встретили новых часовых у костра. Эти двое были сильно навеселе, и справиться с ними не составляло труда. Их тоже

связали и сволокли в сугроб: придет Бойко, тогда хлопцы разберутся, что делать со всеми четырьмя.

Стрелец сам заложил на мосту тол. Шнур от него Чапов опустил на левый берег, густо поросший лозняком, и тут услышали свист в лесу: «Распрягайте, хлопцы, кони...»

— «Та лягайте почивать...» — свистом же ответил Стрелец и пошел комиссару навстречу.

Теперь все было в порядке: один из хлопцев шагал в полицейской форме по мосту; Бойко со своим воинством зарылся в снега на правом берегу — в случае необходимости сверху сподручней будет бить фрицев; Стрелец и Чапов залегли в лозе. Командир еще раз проверил пулеметы, положил на снег часы, в руке зажал зажигалку. Все было в порядке.

Прошло полчаса, и час... Чапов снимал ушанку, прислушивался. На десятки километров разлеглась тишина. Казалось, ничто на свете не в силах нарушить ее.

— Эшелона сегодня, может, и вовсе не будет, — прошептал Чапов.

— Не дури. Поешь снежку, — громко ответил Стрелец.

И снова потянулось ожидание...

Солнце припадало уже к самому бору, когда раздался четкий, похожий издалека на тиканье часов шум поезда.

— Проверь зажигалку, Филипп.

— Молчи. Не мешай.

Стрелец весь подобрался, будто готовился к прыжку. Чапов не сводил с него глаз: о чем думает сейчас командир? В самом ли деле он так спокоен, или это огромное умение владеть собой?

Громче и громче стучат колеса. Чем нафарширован поезд: фрицами, танками, артиллерией? Все равно — это

смерть мчится по рельсам на русскую землю. Но ей не пройти, ей погибнуть здесь, на мосту, в Брянском глухом бору...

Дрожит земля, — паровоз рядом, за поворотом. Стрелец чиркает зажигалкой. Немощный огонек лижет конец шнура. Командир прячет часы в карман — все!

Паровоз врывается на мост. Секунда, еще секунда — и воздух, земля, небо раскалываются, разрываются в клочья.

Стена густого пара стоит над мертвым паровозом. Рвутся и воют снаряды.

Наконец грохот стихает. Далеко в бору замирает эхо. Улеглись снежные смерчи. Теперь видны исковерканные вагоны, — щепа и металлический лом, взодранные к небу стропила моста, зарывшиеся в землю орудия.

— Пошли, Чапов...

Стрелец взваливает на плечи пулемет. Ноги гудят, душа вымучена — ни радости в ней, ни грусти. Устал так, как будто не день сегодня прожит — год, десять лет.

На снегу лежит головка голландского сыра — выбросило взрывом из вагона. Стрельца мутит от голода, он не ел со вчерашнего дня. Но разве мыслимо явиться перед отрядом после блестящей операции с сыром подмышкой? Командир расправляет плечи, взбегает на насыпь:

— А ну, хлопцы, собирай одним духом трофеи: через полчаса фрицы кинутся шукать своего эшелона...

* * *

Не день сегодня прожит — десять лет. Хорошо бы сейчас скинуть перед жаркой печкой валенки да размять натруженные ноги. Но с таким командиром не очень-то отдохнешь. Фашисты, говорит Стрелец, чтобы на-

пасть на след отряда, будут рыскать ночь и день вокруг взорванного моста. Пусть порыщут, пусть потанцуют на морозце: партизанам приказано разойтись в разные стороны километров на пятнадцать и залечь до темноты в чащобах. К ночи участники операции соберутся в большом овраге, где зачинался осенью отряд, и уже оттуда пойдут домой.

Домой? Стрелец следит, как расходятся нагруженные трофеями партизаны. Где ваш дом, хлопцы? Твой — в разоренной Белоруссии, твой, комиссар Бойко, на поруганной Украине, эти трое — здешние, и эти двое — колхозники Орловщины. Их села сожжены немцами. А твой дом где, Филипп Стрелец?

Не только три комнатушки, чистые и светлые, как душа их хозяйки, был тебе родным домом...

В акациях, в тополях стояла школа. Через огромные окна лилось солнце, и тень от листвы играла на тетрадях. Класс вела учительница, маленькая и подвижная, как ее воспитанники. Однажды Филипп загулялся в парке со своим товарищем Василием и не выучил урока по географии. Василь говорит:

— Р-р-рунда! Приколем к карте шпаргалку.

Так и сделали, написали на бумажке: Эбро, Юкар, Сегура, Гвадалквивир. Вошла учительница, — волосы хоть и седые, а веселые — во все стороны разлетаются, на носике пенсне с надтреснутым стеклышком.

— Все, — спрашивает, — приготовили урок?

— Все, — отвечает хором класс.

Учительница вызвала Василия. Стал хлопец у карты и пошел про Испанию чесать...

Смотрит Филипп на учительницу и видит, как лицо ее наливается краской, даже слезы на глазах показались.

— Садись, — говорит она Василию, — пусть теперь Стрелец отвечает.

Филипп вышел на середину класса, чуть не умер от стыда, а все-таки сознался:

— Я урока не выучил. Я шпаргалку к карте приколол.

Ой, расстроилась же учительница, даже пенсне на пол уронила!

— Давай, — говорит, — разберемся, кого вы с Василием хотели обмануть: меня, себя, матерей своих, или пионерский отряд, или советскую власть, которая построила для вас такую чудесную школу?

Лет восемь назад это было, но и сейчас, в сумерках густого ельника, лейтенанту Стрельцу стыдно об этом вспомнить. Однако школа стала ему с того дня родным домом.

Осенью, когда он в первый раз вышел из окружения, в одном селе повстречались они с Василием. Василь рассказал: немцы сожгли школу.

— Варвары! Первобытные животные! — кричала учительница.

Немцы повесили ее, никто из бывших учеников не мог вступиться. Василь плакал, когда рассказывал, — висела, как живая, с веселыми, непокрытыми волосами, только пенсне обронила перед казнью...

Была Стрельцу родным домом и школа лейтенантов. Начальника ее звали «отцом-вседержителем». Непоколебимой строгости был командир, знал, с каким врагом предстоит встретиться его питомцам, и уж ни им, ни себе лениться не давал.

У парадной двери школы дремали два орудия прошлого столетия. Вокруг них благоухали целые поля метеолы, табаков и левкоев: начальник любил цветы. Дальше, на площадке, усыпанной золотым приднепровским песком, стояли кобылы и турники. Был вечер. Стрелец шел по двору с товарищами. Накануне он выбил из винтовки

шестьдесят из шестидесяти возможных — гордость бушевала в нем, выплескивалась через край. Он подпрыгнул, схватился за турник и пошел крутить солнце. Десять солнц, пятнадцать — небо, песок и окна начальника мелькают перед глазами.

— Эй, Филипп, брось, голова закружится!

У кого другого и может закружиться, да не у Стрельца. Семнадцать солнц и двадцать — знай наших! Но вот сердце начинает уже заходиться. Стрелец прыгает вниз и падает на правую руку. Хочет подняться — нет сил, сердце вот-вот разорвется.

— Перелом! — слышит он над собой взволнованный голос. Открывает глаза и видит у самого своего лица испуганное лицо начальника. Стрелец вскакивает, как встрепанный.

— Будущий командир Красной Армии обязан всегда и во всем учитывать свои силы и возможности, — гневается начальник. — Извольте отвечать: зачем понадобилось вам крутить солнце до обморока?

Стрелец уже успел притти в себя, и теперь он знает, что не только строгими бывают глаза у «отца-вседержителя»...

— Вытрющивался перед товарищами, — с необычайной для себя легкостью сознается он.

— Вы-трю-щивались? — Слово коробит начальника, но мужество, с которым юноша сознается в своей гордыне, видимо, подкупает старика. — Зачем же это вам понадобилось?

— Не знаю, товарищ начальник. Может быть, потому, что мне досадно быть левофланговым.

Кто-то из будущих лейтенантов фыркает, начальник обрывает взглядом неуместный смешок.

— Суворов тоже не великан по телосложению. —

Начальник смотрит на Стрельца зрачок в зрачок. В тишину двора доносятся голоса веселого Киева. Снизу, с Днепра, долетает мягкий гудок парохода. — Не гигантский рост, но большая, мужественная душа и широкий ум нужны командиру Красной Армии. От вас, Стрелец, я жду иных подвигов, чем эти. — Начальник кивает на турник и уходит.

По одной походке его, по гордой выправке можно сказать: вот человек, который никогда не уронит звания офицера. Стрелец полон благодарности и любви к нему. Ветерок приносит из Пролетарского сада обрывок симфонии, кто-то из товарищей читает стихи, — они непонятны Филиппу, но музыка их берет за сердце:

...Метель полночных метеол.
Концерт и парк на крутояре.
Недвижный Днепр, ночной Подол...

Как хорошо, как счастливо мы жили до войны!

Каждый уголок на родной земле был юноше домом; в теплых домах доживали свою жизнь старики...

...К ночи поднялся ветер, завыл в бору волком. А может быть, выли и волки. Мало ли их развелось в Брянских лесах в эту зиму! Вот и овраг. Здесь осенью повстречался Стрелец с первыми двумя комсомольцами-колхозниками, бежавшими от немцев. Тогда же и зачался партизанский отряд.

Стрелец спустился в овраг. Почти все были уже в сборе, нехватало только одного партизана.

— Кого именно? — спросил Стрелец.

— Лишака, — ответил Бойко.

— Та-ак. — По голосу слышно было, что Филипп сердится: зачем разрешили ненадежному Лишаку участвовать в операции.

— Он явится с минуты на минуту,— сказал комиссар.

— Может, и никогда не явится, — проворчал Стрелец. — Смерть — паршивая сучка: если прямо на нее идешь, она хвост подожмет и утикает, а если ты свой хвост поджал — она тебя непременно догонит.

Сверху донесся свист: «Распрягайте, хлопцы, кони...» Свистели прерывисто и как бы слегка фальшивя.

— Не отвечать!

Крадучись, с автоматом на изготовке Стрелец пошел на свист. Бойко двинулся за ним.

На краю оврага стоял Лишак. Пыхтя и задыхаясь, он доложил, что, когда стемнело, еще раз ходил к мосту, прикончил там двух гадов, очухавшихся от взрыва, нашел и приволок еще один ящик с трофеями — гранаты, что ли, в темноте не разобрать. Спуститься с ними в овраг нехватило сил.

— Тоже мне герой! —засмеялся Стрелец. — За то, что, нарушая приказ, вертался до моста, будешь стоять в наряде. А гранаты пригодятся. За них свою мензурку отдам тебе, когда вернемся до дому.

Лишак не успел ответить, что он непьющий, небо над бором вспыхнуло заревом. Что еще стряслось?

— Горят деревни, лежащие вокруг взорванного моста, — определили по зареву партизаны из местных колхозников.

— Та-ак.

Стрелец молчал всю дорогу. Молча шли к лагерю и партизаны. Кромешная тьма стояла стеной перед ними, позади них небо было кровавым.

* * *

Лагерь ждал командира. Вой ветра, отсветы зарева усиливали тревогу.

— Постный ушел, не емши, — горевал о командире

Спирин. Он устал снимать с огня и снова разогревать щи и кашу. Печи во всех трех землянках — в командирской, партизанской и санитарной — давно раскалились докрасна.

Наконец — время было заполночь — вернулся Стрелец, и с ним все пятнадцать хлопцев целехоньки — ни одного раненого. И трофеев гора! И покурить принесли!.. А сколько немцев уничтожили!

Уставшим, измерзшим хлопцам было не до разговоров. После чарки расскажут они, как выли под обломками вагонов фрицы, как обрывали их вой очереди партизанских пулеметов. И весь лагерь будет гордиться своим командиром.

Щурясь от света, Стрелец оглядел землянку.

— В норе прячемся, как хорьки вонючие!

До сих пор землянки были его гордостью. Осенью он сам выбирал место для них: чтобы сырости не было, чтобы деревья вокруг стояли нарядные, чтобы удобно было тут же, в лагере, проходить и строевые занятия. Комиссару постоянно говорил:

— Следи в оба: рыть надо поглубже, накаты делать потолще, иначе хлопцы замерзнут зимой.

— С чего же, Филипп, опротивели тебе землянки?

Глянул комиссар на друга и понял, что душа его полыхает, как зарево в небе. Спросил заботливо:

— Занедужав, Филипп?

— Погано на сердце, Григорий. — Стрелец вынул из кармана зажигалку, подкинул ее на ладони. — Мост взорвали мы, а мстят «рыцари» Гитлера неповинным людям — жгут села... Там сейчас горюет народ.

Он весь как-то подтянулся, будто сбросил с себя усталость, и нарочито громко сказал:

— Предлагаю товарищу начштаба разработать план захвата села Острые Луки...

— Что?! — Чапов, разомлевший у печки после мороза, таращил на Стрельца сонные глаза. — У нас сорок пять человек, а гарнизон Острых Лук, по предварительным данным разведки, состоит из нескольких сот гадов. Мы не имеем права...

— Имеем! — выкрикнул Бойко.

Склонив голову набок, Стрелец наблюдал за другом: комиссар в гневе — редкое зрелище.

— Имеем право! — распалялся Бойко. — Если мы не вылезаем из своих нор — аж до победного мира останется у нас в отряде сорок пять человек. Если же мы отобьем Острые Луки, к нам пойдет туча народу. Филипп рассчитал верно: фашисты будут знать, кто с ними воюет. Захотят они мстить неповинным людям за наши диверсии — дело их собачьей совести. Нас народ обвинять не станет.

Стрелец засмеялся. Он радовался справедливой душе комиссара. Засмеялся и Бойко.

— Есть контакт, командир?

— Есть контакт, комиссар.

Боевой день кончился, зарождалась новая операция: захват Острых Лук.

Васька Спирин, обнимая благоуханный чугун со щами, ворвался в землянку.

— Разрешите обратиться, товарищ командир!

— Не разрешаю. Не обращайся, а наливай всем, кто ходил в операцию, по мензурке. Замерзли мы, как цуцыки.

У Спирина было природное чутье — он знал, где и когда шутки его уместны.

— Вам, товарищ командир, мензурки сегодня не полагается.

— Шо, шо?

— Вы свою мензурку отдали Лишаку за ящик с гранатами.

Стрелец беспомощно глянул на Бойко: комиссар хохотал, схватившись за живот. И это — друг! И это — «есть контакт»!

— Верно, Спирин! Мне гранаты дороже. Наливай комиссару и начштаба, потом угостишь хлопцев...

Спирин вынул из одного кармана аптекарскую мензурку, из другого — бутылку, обклеенную пестрой с золотом этикеткой.

— Трофейный! — прищелкнул он языком и, скосив глаза на командира, поднес мензурку комиссару, затем Чапову.

Резкий аромат рома разнесся по всей землянке.

Спирин переступил с ноги на ногу, вздохнул разок-другой, потом налил до краев мензурку и поставил перед Стрельцом.

— Пейте. И вторую налью. Только позвольте мне итти в бой.

— Нет, — сказал Стрелец. — За чарку своей обиды на тебя, Спирин, не забуду. В бой не пойдешь. Не дорос пока.

— Пейте, товарищ командир... — Голос Васьки Спирина дрожал, и в бутылке, зажатой в его руке, плескался ром. — Пейте, потому что Лишак наказал обе порции отдать вам. И, между прочим, в Лишаковом ящике не гранаты оказались, а голландские сыры...

Собственно, ни Васей, ни Спириным никто из партизан его не звал. У него было прозвище: «Мензурка». Родилось оно давно. Отряд в те дни испытывал острую нужду в соли. У хлопцев начали кровоточить десны и шатались зубы.

Стрелец предпринимал одну из первых своих опера-

ций — налет на железнодорожную станцию Суземки. Спирину и Мише Новикову поручено было раздобыть в Суземках соль.

И вот операция закончена: разворочены железнодорожные пути, оборваны телеграфные и телефонные провода, горят склады, уничтожен гарнизон. Немцы с минуты на минуту вышлют с соседней станции бронепоезд. Стрелец приказывает отряду отходить. И тогда в штаб является Спирин. Лицо его блаженно. Весь он благоухает спиртным духом.

— Пьян? — выкрикивает хрипло Стрелец.

— В рот не брал, товарищ командир.

Из карманов молодца выглядывает стеклянная посудина. Стрелец вытаскивает ее — донышко еще не высохло.

— Поаккуратней, товарищ командир, не разбейте мензурку, — испуганно хватает Стрельца за руку Спирин.

Стрелец впадает в ярость.

— Расстрелять негодяя!

Но здесь появляется Миша Новиков. Он приволок с собой начальника полиции и торопится доложить, как этого поганца сцапал живьем герой Вася Спирин.

Новиков и Вася подкрались к полицейскому управлению. Через окно видели, как начальник полиции оделяет свою банду спиртом: каждому по стекляшке. Когда взвилась сигнальная ракета Стрельца, Новиков выхватил гранату, чтобы швырнуть ее в окно. Но Спирин успел остановить друга, ворвался в полицейское управление и прочесал его автоматом. В живых оставил только начальника.

Было не время и не место разбираться в этой истории, Стрелец спешил убраться во-свояси. Но в командирской землянке, как всегда после операции, он с

комиссаром и начштаба разбирал налет. И после этого, оставшись с Филиппом с глазу на глаз, Бойко сказал:

— Поговорим о тебе, Филипп. Ты показал себя в Суземках не блестяще.

— Не блестяще? — вскинулся Стрелец. — Немцы будут неделю очухиваться после такого налета!

— А повар Спирин мог бы никогда не очухаться.

Стрелец рассмеялся.

— Брось, Григорий! И я не дурень, и ты недалеко от меня находился...

Комиссар сказал грустно:

— Душа Спирина поднялась до подлинного героизма. Обидеть человека в такой момент — хуже, может быть, чем застрелить.

— Душа! Героизм! Обида! Не говори мне, комиссар, таких слов, а то я заплачу. — Стрелец распахнул дверь землянки и крикнул, чтобы послали к нему повара.

— Рассказывай, друг Спирин, зачем ты, рискуя жизнью, брал живьем начальника суземской полиции? Хотел доставить в штаб «языка»?

— Такой язык пригоден только спирт лакать, — сказал повар, сверкая улыбкой. — А вот мензурку я заполучил! Теперь никто из хлопцев не попрекнет, что одному я налил горючего меньше, чем другому, — точная посуда мензурка.

— Мензурка! — хохотал комиссар.

Спирин в смехе мотал головой и кружился по землянке.

Когда же отсмеялись, увидели, что командир стоит у стены и горькая складка легла у его губ.

— Кто тебя обидел, Филипп? — выкрикнул Бойко.

Стрелец промолчал. Потом заговорил тихо:

— Ты, Спирин, наверно, не слышал, как говорил со

своим народом по радио Сталин. Это было рано утром, на одиннадцатый день войны. Моя часть готовилась к бою, а спали мы всего часа три. Но Сталин, сдается мне, совсем не спал в ту ночь — думал, как будет говорить со своей страной. Мурашки бегут по телу, когда вспоминаю его слова, его голос... Это меня и тебя Сталин назвал «братьями», это нам он сказал «друзья мои». Это нашему отряду, как всем партизанам, наказал он создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов... Это меня и тебя, Василий, благословил Сталин на подвиг. Гордиться надо таким доверием. Жизни не жалеть, чтобы выполнить наказ. Душой, сердцем, всей кровью понять нужно, что твоя жизнь перестала быть твоей жизнью. Пришел враг, и ты не смеешь расходовать жизнь как попало. А ты, Спирин, пошел рисковать ею за мензурку...

Стрелец горько усмехнулся:

— Обидный у тебя масштаб, повар. Неподходящий масштаб. Не партизан ты — мензурка.

* * *

Донесения разведки были проверены много раз: гарнизон Острых Лук состоял из 350 человек. Часть фашистов размещалась на северной стороне села — в школе, в клубе — и имела на вооружении 4 станковых и 6 ручных пулеметов. Большинство же гарнизона расположилось в южной половине Острых Лук. Здесь немцы жили скопом — в доме правления колхоза и в прилегающих к нему зданиях. Здесь же стояли три орудия: два 45-миллиметровых и одно 120-миллиметровое, три ротных миномета и несколько пулеметов. Орудийный склад

находился посреди села, — под него был приспособлен машинно-тракторный колхозный парк.

Да, враг был и численно и техникой раз в десять сильнее партизанского отряда. Но Стрелец знал о враге и другое: фашисты зажились в Острых Луках, зажирели, разленились. Немецкая солдатня попивала ячменный кофеек с парным молоком, писала дневники и письма женам, часами упаковывала посылки на родину. По вечерам скучая, фрицы орали под губную гармошку песни. Печи топили заборами, рубили яблони и вишни; разомлев от жары спозаранку заваливались спать и спали до одури. По ночам же боялись выходить за нуждой, и потому дворы были чисты, а к крыльцу не подойти — все позагажено.

— Таких вояк, — убеждал Стрелец Чапова, — нетрудно будет захватить врасплох.

План Стрельца был прост: среди ночи Бойко со взводом партизан нападает на Острые Луки с севера, разобьет меньшую группу фашистов и выйдет в тыл к основной. Тогда Стрелец ударит по врагу. Чапов же с десятком хлопцев будет в резерве, чтобы с запада замкнуть кольцо окружения и не выпустить из Острых Лук ни одного немца.

Поздним вечером в лагерь прискакал на взмыленном коне Миша Трошин, лучший разведчик отряда. Он доложил, что полтораста фрицев отправлены в качестве карательного отряда на несколько дней из Острых Лук в Суземки.

Более благоприятного момента ждать не приходилось, — Стрелец назначил на завтра поход.

С рассвета коням задали двойную порцию овса. Хлопцы проверяли оружие, надевали к бою чистое белье. Куда поведет их командир, пока никто не знал, но операция предстояла серьезная. — Стрелец приказал замини-

ровать лагерь со всех сторон: впервые в нем не останется ни одной живой души, и только мины будут охранять его...

В два часа отряд построился повзводно. Падали медленные снежинки; день, тихий и ласковый, напоминал о детстве, о рождестве. Из командирской землянки вышел Стрелец: глаза горят, губы как припеклись одна к другой. Принял от комиссара рапорт. Пошел от взвода к взводу, прощупывая глазами каждого бойца — автомат, гранаты, рукавицы, валенки, душу.

— Рафинад! — сказал, усмехнувшись, комиссару. Потом откашлялся и заговорил, не пряча волнения: — Сегодня, товарищи, идем на трудное дело. Будем брать большое село, районный центр. И возьмем. Точно. Добудем себе партизанскую столицу. Вызволим тысячи три колхозников. Детей. Старых матерей. Станем хозяевами железнодорожной магистрали Брянск — Москва. Отряд вырастет. Тогда аж на сто верст к Москве и на сто верст от села к Берлину железная дорога будет наша. И тогда, капитан Гейнрот, ни один твой сукин сын со свастикой не проедет по этой дороге. Это же красота, хлопцы!

Он вскинул кверху руки и засмеялся по-детски радостно. Отряд стоял «смирно», никто не шелохнулся; партизаны знали, что сейчас командир подробно расскажет о боевой задаче каждого отделения, и все в бою произойдет так, как он предвидит. И верно: он начал говорить о расположении вражеских сил, да так, что хлопцам казалось — они уже видят врага, уже бьют его.

В семь тронулись в путь. Минометы, орудие и пулеметы установили на сани. По бокам шли расчеты, чтобы в бездорожье помогать коням. Над лесом легла ночь.

Месяц выюркнул из-за елей и цыганской сережкой засеребрился в черном небе.

— Откуда его принесло? — рассердился Стрелец. — Вылез, баламут, нам на помеху.

— Неверно. Во все времена и всем народам молодой месяц приносил счастье, — изрек Бойко. Они засмеялись и, кивнув друг другу, побежали догонять свои взводы.

Отряд шел цепочкой, затылок в затылок. Разговаривать, курить, отходить в сторону было запрещено. Только изредка, когда кони проваливались в сугроб, бежал от бойца к бойцу шепотком приказ — помочь! На минуту цепочка рвалась, коней вытаскивали, и снова поскрипывали полозья саней, и снова отряд продвигался по лесу: не слышно ни шагов, ни дыхания, будто не полсотни человек, а только ночь одна крадется меж деревьев. Так ходить долго учил своих хлопцев Стрелец.

К полуночи прискакал Трошин. Доложил командиру, что обстановка не изменилась: караулы и огневые точки врага находятся на старом месте.

— Село будет наше, — кивнул головой Стрелец.

— Село будет наше, — побежало по цепочке, и стало еще легче итти, ноги сами держали ритм, шаг ускорялся.

В четыре Стрелец отдал команду о привале. До Острых Лук оставалось не больше полукилометра. Здесь отряд разбивался на три группы. Партизанам позволено было отдохнуть и закурить. Они курили молча, жадно затягиваясь и пряча огонек цыгарок в рукав, чтобы не вспугнуть тьму, — месяц давно скрылся.

Бойко должен был двинуться в путь первым: его группе предстояло пройти лишний километр, чтобы обогнуть Острые Луки с севера. Отделение уже строилось;

на правом фланге Лишак, высоченный, неподвижный. После того, как он принес командиру вместо гранат голландские сыры, хлопец потерял веру в свою задачливость и сейчас настороженно всматривался в темноту, боясь пропустить команду комиссара. Неожиданно, справа от себя он увидел низкорослую, усадистую фигуру Петракова.

— Куда тебя принесло? — прошелестел губами Лишак.

Петраков не умел говорить шопотом.

— Не по тебе соскучился, сыр голландский — загудел он шмелем. — Приказано для бесстрашия находиться при комиссаре. Полагаю, он, а не ты, поведет взвод.

Лишак подыскивал обидное слово для ответа, но, заметив подле комиссара фигуру Стрельца, замер насторожившись.

Вот они склонили друг к другу головы — комиссар и командир, сверяют еще раз при свете цыгарки часы, вот обнялись на прощанье, вот комиссар стал во главе отделения. Стрелец подошел к нему, шопотом отдал последний приказ. Командир передал его Петракову, Петраков — Лишаку.

— Приказываю помнить: деремся за железную дорогу Москва—Брянск. Жизни не жалеть...

Озноб прошел по телу Лишака; он подумал, что Стрелец в этом бою полезет в самое пекло и никто, кроме счастливого случая, не убережет его. Отделение двинулось. Стрелец провожал глазами каждого бойца. Лишак сделал усилие, чтобы не оглянуться, не проститься взглядом с командиром.

И вот лес остался позади. От околицы села их отделяли какие-нибудь двести метров. Ветерок доносил уже

перекличку петухов, и слышно было, как лениво, по привычке лает где-то непутевый пес. Но село еще спало, занесенное снегами. Снега же в этом году выпали богатые, к урожаю.

— Да станет ли родить колхозная земля, — покачал головой Петраков, — когда топчет землю вражеский сапог...

Комиссар приказал залечь и двигаться к околице ползком. Коснулся рукой Петракова, потом Лишака:

— Береза в центре. Там дорога. Двое часовых. Через четверть часа взовьется зеленая ракета командира. Часовых же снять через пять минут. Аккуратно, чтобы — ни стона!

Петраков мотнул головой, сорвав рукавицы, скрючил пальцы — так вцеплюсь в горло. В темноте кисти его рук казались непомерно большими, чугунными. Лишак в смятении пошевелил своими пальцами — тонкие, никудышные... Он выхватил из-за пояса нож, показал его комиссару.

— Можно и ножом, — кивнул головой Бойко, потом прошептал: — Я, Петраков, ползу следом, не бойся.

— Страху на людях нет! — махнул рукой Петраков.

За Лишаком, чтобы помочь, если помощь понадобится, полз повар Мензурка. Оба замерли, пока часовой шел на них, и оба неистово работали локтями и коленями, когда немец направился от них к березе. Стар он был или хилого здоровья, но ходил, согнувшись в три погибели, и все покряхтывал, все тянул носом.

— Сморкач! — ругался про себя Лишак. — Такое цыпля недоношенное и в боевой счет не поставишь...

Досадуя на свою незадачливость, он сжал в руке нож, напружинился и, когда часовой поравнялся с ним,

легко вскочил на ноги. Левой ладонью сгреб лицо фрица — отвратный до дрожи мокрый нос и слюнявый рот, ножом ударил в сердце. Лезвие вытер о фрицеву шинель, чтобы не испоганить его кровью свою одежду.

— Герой, восклицательный знак, — тихо сказал повар.

— Мы с тобою — обое рябое, — вздохнул Лишак.

В эти же секунды и Петраков приканчивал часового. Немец — огромный детина — скреб, задыхаясь, ногтями снег. Потом рука его упала на оброненную винтовку; он нащупал курок, нажать который уже не было сил. Но предсмертная судорога свела его пальцы, раздался выстрел, и этот выстрел всполошил гарнизон Острых Лук. Поднялась беспорядочная стрельба, немцы были уже на ногах, когда взвилась сигнальная ракета Стрельца. Зеленой змейкой поднялась она в небо и рассыпалась над селом огоньками.

— Закатились фрицевы звезды! — выкрикнул повар, но шутка взбодрить никого не могла: операция началась неудачей.

Все же, пока немцы пришли в себя, Бойко успел выбить их из клуба и подойти к школе. Взять школу оказалось делом нелегким — враг непрерывно строчил из всех десяти пулеметов. В воздух, как вопль о помощи, неслись одна за другой ракеты. Но не в помощь, — в гибель были они немцам: в их ослепительном свете вырисовывалась хрупкая березка у ворот школы и повешенная на ней девушка. Босая, в одной сорочке сурового полотна, с непокрытой, будто в изумлении склоненной к плечу головой, она, казалось, при взлете каждой ракеты шевелила тонкими руками.

— За что они ее? — бормотал, зажмуриваясь, Лишак.

Закипела и у Петракова душа:

— Ползем, Григорий Васильевич. Шуганем сволочьё гранатой.

— Погодим, — ответил Бойко, — раньше надо потревожить их с тыла.

Обогнуть школу и забросать ее гранатами вызвались Лишак и Мензурка. Бойко приказал партизанам прекратить стрельбу и подтянуться к воротам. Оглушенные своей беспорядочной стрельбой, немцы продолжали строчить из пулеметов. Когда же треск их затих наконец, по другую сторону школы раздались один за другим взрывы гранат. Немцы кинулись к воротам.

Хлопцы Стрельца умели попадать в щель без промаха, и к темноте партизанский глаз был приучен. С тыла, то и дело перебегая с места на место, палили из автоматов Лишак и повар. У немцев создалась уверенность, что школа окружена. Они предприняли отчаянную попытку прорваться через ворота, но, встреченные дружным залпом, полегли на месте, а десятка три уцелевших откатились назад. Не давая им опомниться, Бойко повел партизан в атаку. В боевой горячке он не заметил, не услышал, как застрекотал с крыши школьного сарая немецкий пулемет.

— Куда тебя несет под пули! — успел выкрикнуть Петраков.

С непостижимой для него легкостью он подскочил к Бойко, оттолкнул его в сторону и, не думая о том, что делает, раскинул руки крестом.

Очередь прошила грудь Петракова. Так и не сомкнув рук, упал он у березки, будто обнял и прижал к груди при последнем вздохе родную землю. Рядом с ним сел в сугроб комиссар. По маскхалату его поползло черное пятно крови.

Немцы воспользовались минутной заминкой, прорвались к церкви и засели в ней.

Не раз пуля задевала в боях комиссара, но в отряде Стрельца не принято было замечать ранения, при котором еще можно было двигаться. Так и теперь, перевязав наспех плечо, Бойко продолжал руководить боем.

Горько было смотреть, как отскакивали партизанские пули от каменных, столетней кладки, стен церкви. Штурмовать ее значило бы уложить все отделение.

Бойко приказал Лишаку добраться огородами к Стрельцу и просить его дать по церкви несколько артиллерийских выстрелов.

— Есть добраться к командиру! — ответил Лишак, ликуя.

Годы молодые, ноги длинные, в душе поет — где ползком, а больше — чуть пригнувшись, бегом пробирался он через село. В Острых Луках ему довелось уже побывать дважды, — ходил с Трошиным в разведку. Запомнил расположение прямых и просторных улиц, узнал избу, в которой ночью поила их розовым топленым молоком жена красноармейца. Вот ее двор, точно. И не иначе — замирает сейчас ее сердце от каждого выстрела: чья возьмет верх. А вот и машинно-тракторный двор, здесь у немцев склад боеприпасов. Лишак перемахнул через забор, ползком обогнул сарай — ни одной собаки. Сбежали с перепугу часовые. Это значит — нужно немедленно взорвать склад. Ох, и затрясет же врага трясця от паники!

Лишаку хотелось петь. Но Стрелец учил приниматься за любое дело продуманно, без суеты. Прежде чем отстегнуть от пояса гранаты, следует переложить в другое место нож — славный ножик, жалко, если потеряется...

Однако нож в ту же минуту выскользнул из рук Лишака, и сам он упал на землю, оглушенный ударом по темени. Уже не он, а двое немцев сорвали с его пояса гранаты, сняли с ремня автомат. Третий нагнулся над Лишаком и сказал по-русски:

— Встань, бандит, когда с тобой говорит офицер эс-эс!.. Отвечай — кто командует партизанской бандой?

Лишак посмотрел на небо — оно было еще в звездах; дня, значит, увидеть не приведется. Эсэсовец приставил к его груди автомат:

— Сколько человек в банде, собака?

А комиссар ждет помощи... Дождешься от такой раззявы. Петраков, и тот погиб, как герой...

Удар по челюсти свалил Лишака с ног. Рот залило кровью, он выплюнул в снег выбитые зубы. Его раздели догола и начали бить. Били молча в глаза, в нос, в виски. Сознание то меркло, то возвращалось к нему, и тогда жила одна только мысль: не застонать бы, не проронить бы слова.

Наконец его подняли с земли и, дрожащего от стужи, от боли, от ярости, поставили перед офицером. Тот вынул пачку денег, показал их Лишаку:

— Половина тысячи рублей, когда выведешь нас из деревни.

Лишак не понял предложения. А солдаты уже готовились в путь — один обвешивался гранатами Лишака, другой собирал в охапку его одежду. Офицер засмеялся, вытащил из кармана еще пачку бумажек:

— Тебе мало половину тысячи? Возьми одну целую и скорей показывай нам дорогу, молодой дурачок!

На этот раз Лишак понял. Он плюнул офицеру в лицо.

— О-о-о?! — изумился эсэсовец, и снова пудовый

кулак сбил Лишака с ног. Упав, он ощутил под ладонью рукоять оброненного ножа, вскочил на ноги и с силой, какой никогда не знал в себе, всадил нож в горло офицера...

Огненные круги шли у Лишака перед глазами, судорога свела пальцы вокруг рукоятки ножа, а офицер все стоял, и в горле его клокотало, как у рассвирепевшего индюка. Наконец он упал, и тогда солдаты поняли, что произошло. Один завизжал и бросился бежать, второй выстрелил в Лишака. Пуля попала в ногу, застряла в колене. Нестерпимая боль прибавила Лишаку ярости, он кинулся на солдата и коротким ударом, каким кололи свиней к рождеству его деды и прадеды, приколол немца.

Так!..

«Что ж это стряслось с тобой, хлопче?.. И почему стряслось?»

«Подивись, Филипп Стрелец, на этого героя, нарушившего приказ комиссара! Вот он прохлаждается на свежем воздухе, в чем мама родила — немец унес его обужу-одежу вместе с комсомольским билетом. Да какой ты, к чорту лысому, комсомолец? Ты...»

— ...шыр голландшкий, — проговорил Лишак вслух и ужаснулся своей шепелявости.

Силы уходили. Руки одеревянели от мороза. Все же удалось кое-как отстегнуть от пояса прирезанного немца свои гранаты. Мысли шли медленно; казалось, кто-то невидимый произносит их вслух:

«Сейчас вставлю запал, встану, пока не замерз, и швырну».

«Отбежать не успею — колено помешает. Стрелец скажет: загинул раззява ни за грош».

Боль в колене была непереносимой — скорее бы

умереть. Он доковылял до двери склада и бросил в него гранату. Сознание тотчас покинуло его, он не услышал взрыва, не увидел взметнувшегося в небо пламени, не почувствовал, как мощной волной воздуха его подняло с земли и отшвырнуло в сугроб.

Еще до начала боя Стрелец с хлопцами успел пройти без единого выстрела к самому дому колхозного правления, где мирно почивала добрая часть немецкого гарнизона. Дом был блокирован. Хлопцы перерезали главную улицу села — Сибировку — и гранатами вывели из строя два немецких миномета. Из третьего переполошенные немцы подняли было оголтелую стрельбу, но вскоре прекратили ее: партизаны были всего в двадцати метрах, и мины давали перелет.

Каковы силы партизан, чем они вооружены, фашисты не знали, а потому, как и предвидел Стрелец, решили до рассвета затаиться в домах. По плану предстояло выбить их затемно, да Бойко запаздывал с завершением своей задачи. Стрелец лежал в снегу за изгородью, сердился. Наконец он подозвал Трошина и приказал как можно скорее добраться до комиссара, узнать, чего они там копаются... Трошин, у которого, по заверениям повара, было две пары запасных ног, успел обернуться минут в двадцать. Едва переводя дух, он доложил Стрельцу, что комиссар просит ударить по церкви из пушки.

В те секунды, когда Миша Тихомиров вычислял прицел по церкви, Лишак ковылял с гранатой к двери склада. Выстрел из пушки и взрыв склада с боеприпасами совпали. Такого грохота Мише не доводилось слышать ни разу за всю его недолгую артиллерийскую жизнь. Сидя на корточках, он ощупывал в смущении свои снаряды. Стрелец же решил, что немцы припрятали

в церкви боеприпасы и что в них-то и угодил Тихомиров. Это предположение развеселило командира, и чтобы поднять дух заскучавших и промерзших хлопцев, он передал по цепи приказ:

— Тихомирову Михаилу — прекратить безобразие. Объясняться по поводу церкви со старушками придется ему!..

Миша смутился: товарищи засмеют — редко стреляет, да громко... Но и этот единственный снаряд сделал свое дело: он попал в железную дверь церкви и снес ее с петель. Эхо под куполом повторило много раз лязг железа и грохот взрывающихся на складе боеприпасов. Немцев охватила паника. Стремительным броском комиссар с хлопцами ворвался в церковь. Станковый пулемет и гранаты хлопцев в момент прикончили врага. Бойко приказал зажечь факелы — не затаилась ли в темных углах фашистская нечисть. Жалко было коней — много их здесь покалечило... У алтаря бился раненый жеребенок, и нельзя было подойти к нему: кобыла кидалась на партизан, оберегая своего детеныша.

— Мы здесь ни при чем, мамаша, — соболезнуя, уговаривал ее повар. — Гитлера вина.

Комиссар собрал свой взвод и по Сибировке вывел его в тыл основной группе врага.

— А ну, хлопцы, — выкрикнул Стрелец, — хай немцы увидят перед смертью, как дерутся русские. Мишечке Тихомирову — прямой наводкой — по сволоте!

Это был бой! Фашисты защищались отчаянно. Из каждого окна палили их автоматы и пулеметы. Партизанская пуля снимала одного автоматчика, на его место вставал второй, третий. А хоть десять! Хиба ж мы, братики, не привыкли биться один против пятерых?

Пушка Тихомирова развороти́ла дом колхозного правления, за ним сарай и — второй. Немцы сбились во флигеле. И уж не низко над селом стояло солнце, когда Стрелец собственноручно погасил последнюю огневую точку врага, ворвался во флигель и гранатой прикончил пятерых, сбившихся в дальней комнате немцев.

— Последние? — спросил он бросившихся к нему в помощь партизан. — Вот и у меня неплохой боевой счет, Мишка Тихомиров может не задаваться!

Обуянные радостью победы, хлопцы подняли командира на руки и понесли...

Еще к западу от села раздавались выстрелы, — это Чапов вылавливал десяток-другой немцев, пытавшихся бежать, — когда из подвалов начали выходить на свет жители села. Они еще боялись верить своему счастью: освободителей оказалась горстка; не ушли бы, не пришли бы следом за ними каратели... Озираясь, остролучане зазывали в свои дома партизан — отогреться, поесть, порассказать, правду ли бают немцы, что и Москву покорили и советской власти пришел на земле конец...

День выдался для Стрельца тяжелее боя... Мать Наташи — повешенной у школы девушки — билась горькой головой о его грудь, и слезы этой старой женщины были Стрельцу, что слезы его родной матери... Дед принес внука — пусть посмотрит командир, как изуродовали палачи сироту, а мать и вовсе запороли... На закате с воинскими почестями хоронили трех павших в бою партизан и в одной с ними братской могиле — Наташу. Бойко рассказал селу и отряду, каким человеком простого и широкого сердца был Петраков и как он погиб. Слова комиссара падали в душу Стрельца укором: плохо ты знаешь, Филипп, своих бойцов, слиш-

ком суров с ними... Ждал ли ты такого героизма от Петракова, такой стойкости от Лишака?

Уже весь отряд, кроме караула, спал богатырским сном, а Стрелец сидел у постели Лишака, всматривался в его распухшее, обезображенное лицо. Лишак метался, стонал.

В Острых Луках была до вражеского нашествия больница. Ведала ею опытная и сердитая, рассказывают, врачиха. Она сбежала от фашистов вместе с комсомольцами и комсомолками, мыкается по соседним деревням. Туда немцы заглядывали только чтобы пограбить. Разыщет ли ее Трошин? Да и спасет ли она Лишака? У бедняги, вероятно, заражение крови.

Лишак рванулся, сел. Дикими глазами уставился на Стрельца.

— За что они ее повесили?

— Наташу? За то, что защищала свою честь. Плюнула в морду офицеру.

— И я в него плюнул. Потом заколол.

— Знаю. Ложись...

— А сам не спишь... И почему, Филипп, ты не любишь смотреть людям в глаза?

Стрелец вздрогнул. Еще ниже нагнулся над Лишаком.

— Зачем выворачивать перед людьми душу? Теперь у каждого и своего горя гора...

— Я твое горе знаю. Побратаемся, Филипп: я умру — ты будешь сыном для моей матери, тебя убьют — я пойду оберегать твою мать... — Голова его упала на подушку, он снова застонал, заметался.

— Бредишь, Лишак! Меня не убьют. Мне нельзя быть убитым. Должен оберегать магистраль Брянск — Москва. А если и убьют... Организую комсомольские бригады, будут не хуже меня самостоятельно взрывать эшелоны.

Под окном, слышно было, осаживали коней. Трошин ввел в избу врачиху. Едва пощупав колено Лишака, она проворчала: «Чепуха, завтра вытащим», но к спине и сердцу раненого долго прикладывала ухо. Потом сказала сердито:

— Война — войной, а командовать, дорогой товарищ, надо культурно. Негоже, чтобы бойцы простуживались. У юноши воспаление легких. Крупозное! И двухстороннее!

— От этого умирают, доктор?

Она окончательно рассердилась:

— Только смерть и страшна? А если боец на месяц вышел из строя? В отряде у вас и без того полтора человека. — Потом, вдруг успокоившись, прибавила нравоучительно: — Пока сердце молодо и здорово, никакая болезнь не страшна.

— Пока сердце молодо и здорово... — повторил Стрелец в раздумьи.

Врачиха глянула на него — он весь светился улыбкой. И сразу решение, которое все никак не могло созреть в душе врачихи, пока она ехала с Трошиным из дальней деревни к Острым Лукам, было принято.

— Меня, товарищ Стрелец, зачислите в ваш отряд. И в том случае, если вы снова уйдете в леса. Моя фамилия — Смирнова. Доктор Смирнова.

— Отряд, товарищ Смирнова, из Острых Лук никуда не уйдет. Точно.

* * *

В короткий срок район был очищен от немцев. К границам его они боялись и близко подходить. Всю Орловщину облетела слава о Стрельце: будто в отряде его тысячи человек, бойцы отборные, бесстрашные. Тысячи — не тысячи, а сотни партизан уже давно числились

в списках начальника штаба Чапова. И что ни день, прибывали новые: и молодежь с зашитыми в подкладках полушубков комсомольскими билетами, и старики-колхозники, разутые, раздетые немцами.

Стрелец повеселел. Работал он с утра до ночи — обучал новые пополнения. Построит новичков и держит перед ними речь:

— Фамилия моя — украинская. По-русски Стрелец обозначает — стрелок. Мне и смолоду стыдно было бы не уметь стрелять... — Он вынимал пистолет и на расстоянии пятидесяти шагов, казалось и не целясь совсем, разбивал на телеграфном столбе в мелкие осколки изолятор.

— Так вот, хлопцы и дивчата, в отряде Стрельца каждый обязан быть стрелком...

Подрывные комсомольские бригады водил в первую их операцию сам. Показывал, как закладывать тол или мины, объяснял после операции, почему случились потери в бригаде: плохо маскируются хлопцы, выдержки мало, особенно у девчат.

Но и сам однажды чуть не потерял выдержку на виду у целой молодой бригады. На рассвете привел комсомольцев к насыпи, недалеко от разъезда. Расставил пулеметы, заложил тол. Переполз через полотно, чуть не на виду у часовых; те думали — поземка вьется над рельсами. Лег да и пролежал в ожидании поезда... двое суток. Вначале советовал девчатам для хладнокровия пожевать снежок, потом, таясь от подчиненных, жевал его сам, сгрыз галеты — неприкосновенный запас, а вражеский эшелон все не шел. Стрелец знал, что комсомольцы иззябли дополусмерти, голодные, без сна обессилели. Но показать им, что он спасовал перед трудностями, значило бы подорвать свой авторитет, да

и кто вам говорил, товарищи, что партизанить — легкое дело!

К началу третьих суток ударил мороз при ветре, который валил немецких часовых с ног.

«Сляжет мой молодняк с воспалением легких...» переполошился Стрелец и решил вести ребят домой. Но в это время застучал вдали поезд.

И взорван он был мастерски, и комсомолки-пулеметчицы работали отлично, и никто из бригады не схватил даже насморка. Но ходил Стрелец по селу мрачнее градовой тучи: что такое, почему два дня бездействовала дорога? Не удумали ль немцы какой-нибудь хитрости? Выяснить все это было поручено Трошину.

Оказалось, что накануне последней операции Стрельца партизаны отряда Захарова взорвали вражеский поезд у станции Чичиково, да взорвали так, что на три дня вывели дорогу из действия.

Комиссар настаивал на том, чтобы созвать командиров всех ближних отрядов, сговориться о совместных крупных операциях, разбить радиусы действий для мелких. Стрельцу эта мысль пришлась по душе. Но командирам отрядов привелось собраться раньше даже, чем думал Бойко, и не для совещания, а на военный совет.

Комсомольское подполье Навли прислало Стрельцу предупреждение, что над партизанами Брянских лесов нависла грозная опасность. Дважды и трижды в неделю сходили с рельсов и взлетали на воздух немецкие воинские поезда. Капитан Гейнрот испробовал все методы борьбы с партизанами, но осилить их не мог: каждый раз они возникали там, где он их не ждал. Наконец штаб немецкой армии внял мольбам Гейнрота и согласился выслать для ликвидации партизан мотострелковый батальон, пять танков, артиллерию и минометы. Этим мощным силам Гейнрот решил придать навлинский

гарнизон. Но, страшась, что партизаны все же одержат верх, отложил операцию — подтягивал со всех волостей полицаев и гарнизоны. Гейнрот получил приказ наступать только днем, держаться преимущественно вдоль дорог, в леса входить крупными силами, партизан же расчленять, окружать и уничтожать в деревнях.

Партизаны решили прежде всего не расчленяться. Утром 6 января 1942 года в лесных землянках Стрельца собрался военный совет командиров, комиссаров и начальников штабов трех отрядов: Филиппа Стрельца, Захарова и Комаровского.

Стрелец, непрерывно ведший разведку, по донесениям ее и по самому расположению сил противника к моменту наступления разгадал планы Гейнрота: основной удар немцы решили нанести Острым Лукам. Здесь и следовало подготовить им хорошую встречу. Пока они будут окружать село, партизаны окружат их самих.

План Стрельца был принят: у Острых Лук перед фронтом врага партизаны оставляют несколько небольших засад. Захаров и Комаровский заходят в это время во фланги врага. Стрелец ударяет в тыл. Кроме того, создается маневренная противотанковая группа, с отборными бойцами, вооруженными гранатами и зажигательными бутылками. Ей также предстояло действовать с фланга, имея задачу поспевать всюду, где бы ни появились танки. Принять же первый удар врага, командовать засадами у Острых Лук Стрелец предложил Бойко. Горько было посылать друга на трудное, скажем просто, — на смертное дело. Да кому другому мог доверить его Стрелец?

9 января, в девять часов утра, по Острым Лукам начала бить немецкая артиллерия. Загорелось несколько изб, седые дымы повисли над селом. Жена красноармейца руководила пожарной дружиной, доктор Смирнова

загоняла детей в погребы. Через полчаса артиллерийский гул стих, фашистская пехота пошла в атаку. Бойко смотрел в бинокль. Рядом с ним за пулеметом лежала Мария Кретова, жена командира отряда Захарова.

— Красиво идут. Как белогвардейцы в картине «Чапаев», — комиссар передал бинокль Кретовой и прибавил: — Когда дойдут до той молодой березки...

Пулеметчица кивнула головой.

И вот уже видны их лица... Зеленые шинели запорошило снегом... Ветви молодой березки сметают снег с плеч...

— Начнем потихоньку, хлопцы, — негромко сказал комиссар.

Каждый выбрал себе немца и всадил в него горячую пулю. Мария Кретова полоснула по цепи очередью. Первая атака захлебнулась, гитлеровцы откатились назад.

Гейнрот утвердился в своем предположении: здесь и находятся главные силы партизан! Снова загромыхала артиллерия, снаряды ложились у самых окопов, но хлопцы были учены: глубоко зарылись в мерзлую землю.

Потом появились танки. Большинство партизан видело их впервые. На полной скорости они вели огонь из пулеметов и пушек. Николай Юдин выдвинулся вперед с противотанковым ружьем. Выстрелил — промах... Выстрелил еще раз — опять неудача...

«Волнуется», подумал Бойко и пополз с гранатой встречать головной танк.

Но Юдин угодил уже в его моторную часть, и синее пламя охватило машину.

— Ура! — закричали хлопцы. — Умыл, Коля, гадюку!

А Коля подбил и второй танк. Пьяный от радости, он повернул голову к товарищам и подкинул к небу

ушанку. Пуля попала ему в висок. Смерть была мгновенной, не успела стереть улыбку с его лица, и как повернул назад третий танк, он уже не увидел...

И эта атака захлебнулась. Гейнрот готовился к третьей, — обнаружив уязвимость левого фланга партизан, он перегруппировал силы.

Бойко подсчитывал про себя потери и подбадривал хлопцев. Вдруг смешок прошел по окопам.

«Выстоим, если хлопцы еще смеются», подумал комиссар и спросил: «Чему смеются?» Ему указали на Мензурку: вон-вон ползет, чудило, к подбитому танку. Что сталось дальше с Мензуркой, никто не уследил: к деревне, охватывая ее полукольцом, подходили три танка. Густые цепи пехоты следовали за ними. Бойко глянул на часы — без двадцати двенадцать. Надо продержаться еще двадцать минут. Филипп никогда не запаздывает.

— И Захаров точен, — сказала Мария Кретова.

Ряды партизан заметно редели. Умолк пулемет Кретовой. Она была ранена, ее «максим» поврежден. Но у нее еще оставались силы, она схватила гранату и швырнула ее в танк, попала в гусеницу... Автоматчики окружили Марию:

— Сдавайся, рус!

Она выхватила наган, выстрелила в одного, в другого, в третьего... Захаров, прорвавший кольцо немцев с левого фланга, застал ее еще живой.

Фашисты дрогнули, подались вправо; там их встретил ураганным огнем отряд Комаровского. Смельчаки из противотанковой группы успели к этому времени забросать два последних танка зажигательными бутылками. Бой был в полном разгаре, когда с тыла ударил Стрелец. Теперь Гейнрот понял, что проигрывает сражение, и бросил в бой последние резервы — отряд эсэсовцев.

Эти умели драться. Они прорвали кольцо партизан, соединились с батальоном и на левом фланге потеснили Захарова.

— Плохо дело, Николай, — проворчал Стрелец над ухом Чапова. Но тут же он заметил в центре поля, в тылу эсэсовцев, подбитый танк. — Если пулеметы в нем работают, Николай... принимай, браток, командование, а я к нему доберусь!

Но из танка неожиданно ударила пушка. Шрапнельный снаряд разорвался в гуще эсэсовцев. За ним — второй, потом застрекотал пулемет. Боец, залезший в танк, решил исход сражения.

— Чорт возьми, Николай, в моем отряде нет таких героев...

Филипп постучал в люк танка:

— Выходи, товарищ!

— Не выйду, пока сам Стрелец не поднесет мензурку, — ответил веселый голос из танка.

У Филиппа зашлось сердце гордостью: его хлопец в танке!

— Вылезай немедленно! Стрелец спрашивает — кто ты есть?

Верхний люк приподнялся, показалась голова повара.

— Мензурка! — закричали хлопцы.

— Шо-шо? Мензурка? — поразился Стрелец, потом погрозил хлопцам кулаком: — Чтоб я такого слова больше не слышал!..

* * *

Немцы после этого боя притихли. И эшелоны их не шли больше по магистрали Москва — Брянск.

Хлопцы Стрельца гуляли по фашистским тылам, взрывали казармы, склады с боеприпасами, комендатуры, штабы. Но настоящей большой работы отряду не было.

А радио передавало, что Москва все теснит врага; фронт, километр за километром, двигался от Москвы к Брянску.

— Нет, Григорий, нет, мой любимый комиссар, — говорил Стрелец, — не могут в такой момент фашисты отказаться от нашей магистрали. Подкидывают же они к фронту подкрепления...

Наконец разведка донесла: немцы восстановили боковую железнодорожную ветку и по ней, обходя партизан, гонят и гонят через станцию Полужье свои эшелоны.

Далеченько Полужье от Острых Лук, но не разгромить его — значит, не завершить того дела, за которое проливали кровь три месяца...

* * *

Близко к ночи отряд Стрельца подошел к деревеньке, расположенной в двух километрах от станции Полужье. На улице — ни души; ни одна щель не светится в ставеньках. Филипп Стрелец, идя впереди хлопцев, остановился у крайней хаты, постучал в темное окошко. С наличника свалился ему на шапку снег, рассыпчатый и летучий на морозе.

На крыльцо, вдевая руки в рукава полушубка, вышла женщина.

— Хозяин дома? — спросил Стрелец.

— Нету дома. Мост угнали охранять...

Она не спросила Стрельца, что он за человек и что за люди пришли с ним. Глядела поверх его шапки на крыши домов, и здесь он увидел горькую складку на ее сухих губах, — ту печать скрытого, затаенного в себе страдания, которую он часто подмечал среди русских людей, живущих под немцами.

Филипп сказал тихо, махнув рукой в сторону от станции Полужье:

— До тех дальних деревень пробираемся. Да ночью легко сбиться с пути. Нет ли кого из мужчин показать дорогу?

Женщина вдруг зорко взглянула на Стрельца.

— К Федоту Степанычу ступайте.

И, показав на соседнюю хату, повернулась и исчезла в темноте сеней. Стрелец двинулся вдоль порядка изб. У ворот в валенках, в нагольном полушубке стоял бородатый крестьянин и дымил трубкой. Когда он затягивался, красный свет озарял его бороду и ряд мелких зубов, стиснувших черенок мундштука.

Стрелец сказал ему, как знакомому:

— Здравствуйте, Федот Степаныч.

— Здравствуй и ты, имени твоего не знаю, — ответил крестьянин.

Стрелец подошел к нему вплотную и спросил в упор:

— Советский человек?

— Кто?

— Вас, Федот Степаныч, спрашиваю.

Федот Степаныч большим пальцем притушил трубку. Стрелец заметил, как задрожала она в его широкой руке.

Спустя короткое время Федот Степаныч ответил твердо:

— Ответствую на это так: советский я человек.

— А если советский, то нам, партизанам, допоможете.

— Если посильно, почему не помочь?

— Скрытно проведете нас к станции Полужье. — Голос Стрельца потвердел: — А если обманешь и предашь, то разговор партизанский — пуля на месте.

Федот Степаныч сунул трубку в карман полушубка, помолчал и потом сказал тоже изменившимся голосом:

— Вот это ты, партизан, сказал мне лишнее.

— Не обижайтесь, дело военное.

За деревней встретили Аню — разведчицу, высланную на станцию. Разведка была удачной: Аня ходила по перрону, перешучивалась с немецкими солдатами, прошла по станционному поселку: немцев на станции немного.

Часть своих бойцов Стрелец оставил в хате Федота Степаныча, — пусть обогреются перед ночным боем, поужинают, — а сам с расчетами пулеметчиков и батареей, передвигавшейся на санях, двинулся к Полужью. Он хотел заранее расставить на подступах к станции огневые точки. Вел Федот Степаныч, человек неразговорчивый, приглядчивый, знавший здесь каждое деревцо, каждую тропку.

Время клонилось к полуночи, а когда вблизи станционных казарм расчетливо и дальновидно были выбраны места для пулеметов, шел уже первый час. Стрельцу видны были длинные казарменные бараки, набитые спящими немцами, здание комендатуры с незатемненными окнами, нагло глядящими в морозную темноту февральской ночи. Какой-то тоскующий фриц — в комендатуре или на станции — пускал на патефоне все одну и ту же пластинку: квакал саксофон, задыхались скрипки, деланно равнодушный голос певца звенел среди шума джазбанда.

О чем думал Стрелец? Внутренним знанием своим он знал, что Полужье в его руках. Он не мог ошибиться! Сегодня в ночь хлопцы порвут эту новую немецкую артерию, питающую армию врага. Пусть будет спокойна Москва!

— За Москву сегодня будем биться, — наклонившись к Федоту Степанычу, молвил Стрелец.

— Шире бери, — медленно ответил Федот Степаныч, — за весь народ советский.

— Если за Москву — значит за народ.

К двум часам все было готово к штурму: огневые точки на местах, хлопцы на исходном рубеже. В два начался обстрел. Федот Степаныч не сплошал: действительно, он знал расположение немцев, как свой собственный двор. Артиллерия партизан сразу же накрыла немецкие пулеметные гнезда. Занялись крыши казарм, и пламя, разгораясь, озарило весь пристанционный поселок, немцев, перебегающих по снегу, и здание станции с пробитой, дымящейся крышей.

— За родину, за Сталина! — закричал Стрелец, поднимая цепь.

Он вскочил на ноги и легко побежал по снегу, чувствуя подле себя прерывистое дыхание товарищей. Тотчас же в уши его ударил крик: «ра-а-а-а!» Бойцы подхватили его клич. Перед самым поселком лежал небольшой пустырь, его нужно было пробежать как можно скорее, — из уцелевшей казармы немцы поливали огнем. Рывок бойцов был злой и дружный. Чтобы лучше видеть всю картину боя, Стрелец кинулся к невысокому пригорку, поросшему молодым ельником. В это время немцы яростно ударили из казармы и с фланга.

— Ложись! — закричал Стрелец.

Он успел заметить, что цепь залегает. Глаза его на минуту поймали низенькую фигурку Ани, бежавшей среди атакующих, — она залегла совсем невдалеке от него, торчком выставив локти. И в это время пулеметная очередь с фланга прошила Стрельцу ноги.

Он не почувствовал боли, а только то, как ноги его словно подломились, и упал, выставив ладони в рукавицах. Он не испытал ничего, кроме чувства злой досады, но тут же подумал: «Полежу так да сейчас и встану». Это был самый напряженный момент боя, когда нельзя

выпустить инициативу из рук, когда нужно владеть хлопцами так, как владеешь самим собой.

— Огонь, огонь! — крикнул он связному, бывшему подле него. Тот скатился с пригорка и под гибельным огнем немцев побежал к опушке.

«Красиво работает батарея!» подумал Стрелец, глядя, как рухнула под партизанскими снарядами водокачка. И здесь же мысль, что ноги его перебиты всерьез, что ему не встать, дошла до его сознания. «Нет у меня ног в этом бою, — подумал он, стиснув зубы, — повоюем и без ног».

Он был спокоен. Но внезапная физическая слабость охватила его. Он все еще опирался о снег руками. Возле ног расползалась черная лужа крови. Теперь все тело его мучилось острой, режущей болью. Он сел и, сгребая снег, закидал им ноги. Ему показалось, что стало легче. По всему пустырю гремели выстрелы, огневой бой не стихал ни на минуту. Сквозь этот гул Стрелец услышал хруст шагов по снегу.

Торопливо подходил Григорий Бойко.

— С фланга немцы выбиты, Филипп, — сказал своим легким голосом, — дух у хлопцев ясный. Что приказываешь?

— Ворваться на станцию, истребить подъездные пути.

Усилие, с каким Стрелец сказал это, стоило ему дорого. Мысли его стали мутиться. Бойко вдруг пристально пригляделся к командиру. Зазяб, что ли? У ног его что-то чернело. «Полушубок», подумал Бойко и нагнулся, чтобы поднять полушубок и накинуть на плечи Стрельца. Пальцы комиссара зачерпнули снег. Комиссар похолодел, поднес черный снег к самым глазам — в лицо ему пахнуло запахом крови.

— Так ты, Филипп...

— Мовчи, мовчи, — сказал Стрелец, помотав головой. — Хлопцам не говори. Иди подымай цепи, я руковожу боем.

И когда верный его товарищ побежал на передний край, Стрелец повторил себе: «Я руковожу боем». Но было что-то, что, помимо его воли, вторгалось в его душу: видения столь же реальные, как эта февральская ночь, полная свиста пуль. Он увидел лицо своей матери и ее глаза, горячие даже в старости; лицо ее близко наклонилось к нему, он ощутил теплоту ее дыхания и сказал ей: «Мамо, слухайте, мы бьемся за магистраль Москва — Украина не на жизнь, а на смерть». И это было все, что он успел сказать ей. Партизаны кинулись в атаку.

Напрягши глаза, он видел, как они ворвались на станцию, как на перроне, сбившись в кучу и побросав оружие, немцы подняли руки. «Взяли!» Он успел увидеть, что в числе первых на перрон вбежал Федот Степаныч в своем нагольном тулупе и в ушанке, не подвязанной под подбородком. Или он ошибся? Можно ли узнать человека с такого расстояния?

«Взяли, взяли!» мысленно повторял Стрелец и чувствовал, что последние силы по капле уходят из его тела. Из минутного оцепенения пробудил его знакомый стук колес. В клубах пара, блестящий от изморози, к станции медленно подходил немецкий бронепоезд. Диким усилием воли Стрелец рванулся вперед. Ему показалось, что сейчас он встанет на ноги, предупредит хлопцев.

Но этого не случилось. Неподалеку рванул снаряд из бронепоезда, осколок пробил Стрельцу грудь. И это был уже смертельный удар.

* * *

Труп Филиппа Стрельца с закоченевшими, сжатыми в кулаки руками, поднятыми к груди, лежал на полушубке под столетней широколапчатой елью. Едва начинался в лесу бледный, бессолнечный рассвет. На поляне сидели хлопцы, хмурые и молчаливые. Станция Полужье была ими выведена из строя, но немцы взяли отряд в мертвое кольцо, и этого не скрывал от хлопцев комиссар.

— Товарищи мои и други, — говорил он, стоя среди поляны, будто постаревший на много лет, — вон там, под елью, лежит наш мертвый начальник. Не обсказать нашего горя, но мы — воины! Священна память по Филиппе Стрельце, но и мертвое тело его священно. Не будем погребать его в земле, по которой еще ходят поганые немцы. Возьмем его тело с собой и с боем вынесем из окружения!

Руки бойцов поднялись в знак клятвы над телом мертвого командира. Хлопцы в жестоком бою прорвали кольцо немецкого окружения и вынесли своего Филиппа.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Отв. редактор *Б. Евгеньев.*
Подписано к печати 24/IV 1944 г.
1¾ печ. л. (2,6 уч.-изд. л.)
57 000 зн. в п. л. Л52308. Тираж
50 000 экз. Заказ 329. Цена 60 коп.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва, ул.
Фридриха Энгельса, д. 46.

ОПК-742 Н

Цена 60 коп.

7665